

О Т З Ы В

официального оппонента

доктора политических наук **Шумилина Александра Ивановича** на диссертацию **Крылова Германа Леонидовича** на тему «**Проблемы выработки внешнеполитических решений в Ираке в 2003-2022 гг.**», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.7. - «История международных отношений и внешней политики».

Значимость, новизна и достоинство работы Крылова Г. Л. состоят в том, что автор впервые в российской историографии предлагает к обсуждению и оценке результаты комплексного и глубокого анализа как процесса построения политической системы Ирака в период после свержения режима Саддама Хусейна в 2003 г., так и особенностей формирования основ внешней политики нового государства в регионе и по отношению к влиятельным внешним игрокам. Точно определены объект и предмет исследования. Последний (предмет) имеет очевидное практическое значение, а именно – «внутренние и внешние факторы, определяющие влияние иракских политических сил и официальных учреждений на процесс выработки внешнеполитических решений». Диссертант исследует особый характер отношений *«между формальными акторами иракской политики и альтернативными центрами принятия решений, влияние которых чрезвычайно сильно, что является характерной особенностью современного Ирака»*. (стр. 8)

Автор сосредоточил основное внимание на *новизне* феномена принятия внешнеполитических решений, которая отличает Ирак (в его переходном состоянии) от практики других государств, независимо от характера политических режимов в них (авторитарного или демократического). Особенность Ирака не только в этно-религиозном разнообразии его населения (шииты, сунниты, курды), в территориально-административном распределении властных полномочий (Иракский Курдистан), но еще и в *непреодоленной взаимной враждебности между этими категориями жителей, унаследованной со времен Саддама Хусейна*. Каждая из упомянутых категорий населения по-своему видит внешнеполитические приоритеты страны, что, несомненно, усложняет формирование общенационального вектора политики властей Ирака в регионе и на других

международных уровнях. Эта политика должна учитывать интересы каждой из упомянутых этно-религиозных общин, а потому она, как предполагается, изначально может быть только компромиссной и многовекторной, несущей в себе импульс к национальному примирению в самом Ираке.

К этому необходимо добавить и факторы внешнего воздействия со стороны региональных центров силы на иракские власти и формирование их внешнеполитического курса (Ирана, арабских монархий Залива и Турции). И, разумеется, фактор внерегиональных игроков – США, Евросоюза, России и Китая. Забегая вперед, будет справедливо констатировать, что диссертанту удалось выйти за рамки преобладающего в России и нередко за ее пределами стереотипа применительно к оценке внешней политики Ирака, а именно – будто она диктуется в одной версии Вашингтоном, а в другой – мол, Тегераном. Он убедительно продемонстрировал в своем анализе всю сложность и многослойность процесса ее формирования. Уместно привести следующее утверждение автора: *«Если в первые годы после свержения правительства Саддама Хусейна шиитские политические силы в целом тяготели к Ирану, а суннитские – к суннитским соседям, то со временем эта поляризация ослабла. Так, Исламская партия Ирака успешно установила отношения с Ираном, которого ранее считала основной угрозой национальной безопасности, а такие шиитские политики, как Муктада ас-Садр и Аммар аль-Хаким, предпринимали попытки сближения с суннитскими странами Персидского залива»*. (стр. 92)

Предложенные диссертантом план и структура работы позволили ему максимально полно раскрыть обозначенную тему. Они отражают его глубокую погруженность в данное исследование, которое само по себе уникально для академической среды в нашей стране. Наглядным подтверждением тому служит впечатляющая база *редких библиографических источников*, которые впервые вводятся в научный оборот. Подчеркнем в этой связи, что помимо традиционных *методов исследования* (историко-аналитического, историко-генетического, биографического, а также контент-анализа и ивент-анализа) диссертант весьма эффективно использовал метод *«включенного наблюдения*, в том числе с опорой на материалы информационного мониторинга, проводимого автором во время работы в Ираке с 2015 г.». (стр. 5) При этом он демонстрирует посвященность в широкий круг научной литературы, аналитики и мемуаров как российских, так и зарубежных авторов по вопросам государственного строительства в Ираке в целом, изданных за последние годы.

Во **Введении** автор описывает предмет и методологию исследования, а основные три главы посвящены углублённому анализу по-настоящему принципиальных проблемных узлов. В **первой главе** рассмотрен феномен влияния на формирование внешней политики Ирака со стороны *основных политических групп и авторитетных лиц, формально не занимающих постов в системе государственного управления*. Это так называемая «теневая» или базовая категория активистов и авторитетов, которая является как бы предтечей для формирования партийных структур, через которые эти активисты обретаю́т или наращиваю́т публичную легитимацию и поддержку. Подчёркивается, что, несмотря на доминирование шиитов, курдские и суннитские политики также активно действуют в публичном пространстве, создавая в том числе и *свои независимые системы внешних связей*. Автор делает акцент на отсутствии единства среди шиитских политиков даже касательно перспектив развития отношений с Ираном. Рассмотрены тенденции в суннитском лагере, связанные с построением отношений как с арабскими соседями Ирака, так и с Ираном. Диссертант справедливо подчёркивает *общую заинтересованность шиитских и суннитских политических сил развивать отношения с США*.

Вторая глава посвящена рассмотрению функций государственных органов, имеющих отношение к выработке внешнеполитических установок и проведению самой внешней политики. В ней также описывается система взаимодействия различных элитных политических групп, использующих конституционные механизмы для обеспечения своих интересов. Обращается внимание на частые сбои в согласовании вопросов внешнеполитического планирования (особенно при премьер-министре Нури аль-Малики), что проявляется в публичной критике отдельных действий чиновников вплоть до высшего уровня, принадлежащих к различным политическим силам. Констатируется определяющая роль главы правительства в формировании внешнеполитического курса и механизмы влияния на него со стороны МИД, президента и парламентских структур. Также рассмотрены *противоречия в статьях Конституции Ирака*, касающихся определения внешнеполитических приоритетов государства.

В центре **третьей главы** проблематика, связанная с функционированием управленческих механизмов в Иракском Курдистане. Автор констатирует наличие у администрации Курдского автономного региона *собственных внешнеполитических приоритетов, противоречащих федеральным, и обусловленных стремлением курдов к обретению независимости*. Отмечена возможность неоднозначного толкования

положений Конституции, касающихся разграничения полномочий между федеральным центром и курдской автономией в сфере внешних связей. Также дана характеристика специфики международных контактов двух основных конкурирующих между собой курдских партий – Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК). В контексте проблем формирования внешней политики рассмотрен продолжающийся конфликт курдистанских элит и федерального центра, связанный с борьбой за контроль над углеводородными ресурсами.

Несомненную ценность представляют результаты данного исследования. Большую часть из них можно отнести к категории однозначно значимых, а некоторые – к категории дискуссионных.

К очевидно значимым выводам можно отнести, на наш взгляд, следующие:

1. В связи с тем, что основным структурирующим признаком политической системы Ирака XXI в. является этноконфессиональная принадлежность, местные партии *лишены сколь-либо ясно выраженной идеологии (левой, правой, социалистической, националистической, либеральной, консервативной и пр.)*. Они группируются вокруг конкретных личностей, представляющих сегменты политической элиты, и идентифицируются, прежде всего, как шиитские, суннитские или курдские. Исключения составляют лишь стремительно теряющие влияние Иракское национальное согласие Айяда Аллауи и компартия.

2. После 2003 г. Ирак стал ареной геополитической борьбы между США и Ираном. Роль Вашингтона как во внешней, так и во внутренней политике Ирака весьма значительна – фактически американские специалисты стояли у истоков создания современного иракского государства. Одновременно свержение режима С. Хусейна открыло для активных и амбициозных соседей Ирака широкие возможности вмешательства в дела этой страны. Наиболее эффективно проявил себя в этом Иран, еще в 1982 г. сформировавший для борьбы с режимом Саддама Хусейна Высший совет исламской революции в Ираке (позже преобразованный в Высший исламский совет Ирака). Тегеран стал играть значимую роль в политической жизни соседней страны после 2003 г., представляя собой серьезный вызов интересам США.

3. После свержения правительства С. Хусейна шиитская политическая составляющая в государстве выдвинулась на первый план, а суннитская

составляющая оказалась на политической периферии. Маргинализации политических элит суннитов способствовало их ассоциирование с баасистским правительством С. Хусейна, а также опрометчивые заявления некоторых политиков, увидевших в ИГИЛ «революционную силу», способную эту маргинализацию остановить. В результате негласной договоренности, достигнутой еще во времена американской оккупации, за шиитами оказался закреплён пост премьер-министра, играющего основную роль в определении внутренней и внешней политики. Однако, несмотря на политическое доминирование, шиитская община не могла полностью игнорировать точку зрения суннитов, за которыми был закреплён пост председателя парламента, а также курдов, которым была отдана должность президента. Более того, *преследование каждым из трех указанных этноконфессиональных элементов собственных интересов нередко препятствовало проведению единого внешнеполитического курса.*

4. Основной политической силой суннитов в первые годы постбаасистского периода стала Исламская партия Ирака (ИПИ), связанная с интернациональной структурой «Братьев-мусульман», а, следовательно, с такими активными региональными игроками, как Турция и Катар. Отстранение от власти и запрет движения «Братьев-мусульман» в Египте в 2013 г. нанесло серьезный удар по возможностям ИПИ действовать открыто на иракской политической арене. Параллельно с этим ушла в тень и Ассоциация исламских улемов, пытавшаяся играть роль суннитского религиозно-политического центра. Выдвинувшиеся на первый план лидеры суннитской общины оперативно создавали свои собственные структуры, не базирующиеся на каких-либо старых и устоявшихся политических силах, делая ставку на временные тактические альянсы, в том числе с проиранскими шиитскими организациями.

5. Решение острейших проблем в сфере внутренней безопасности, связанное с созданием эффективных силовых структур, также имело ярко выраженную внешнеполитическую составляющую – *этот процесс происходил под непосредственным руководством США, привлечших к нему своих основных союзников.* Восстановление прежних и налаживание новых внешних связей было важно и для решения экономических проблем, причём особое значение приобретало международное сотрудничество в сфере энергетики, финансов и инвестиций.

6. Активное вмешательство внешних акторов препятствовало эффективному планированию как внешней, так и внутренней политики. В

первые годы после свержения режима С. Хусейна формированием политического курса нового образования занимались внешние субъекты, прежде всего США. В течение первого десятилетия после 2003 г., параллельно с формированием государственных структур в Багдаде, образовалось самостоятельное правительство Иракского Курдистана, имеющего статус автономного региона. Столица страны – Багдад, охваченная насилием, не могла тогда претендовать на роль эффективного федерального центра. Правительство Ирака, составленное из различных жёстко конкурирующих между собой групп, было не в состоянии выразить единую позицию по важным вопросам. Тяготеющие к Ирану шииты, балансирующие между Турцией и Ираном курды и обращённые к арабским странам и той же Турции сунниты через свои политические организации *сформировали собственные системы международных связей*.

К **дискуссионному** можно отнести следующий вывод автора (стр. 217): «Главным вектором внешнеполитической работы для Ирака после образования формально суверенного переходного правительства в июне 2004 г., сменившего оккупационную администрацию Пола Бремера, стало *восстановление прежней системы внешних связей* и ее развитие сообразно изменяющейся международной обстановке, возвращение страны в мировое сообщество в качестве полноправного члена». Из этой формулировки не вполне понятно, о восстановлении какой именно «прежней» системы внешних связей идёт речь? Дело в том, что до 1980 г. (начала войны с Ираном) С. Хусейн поддерживал отношения со всеми ведущими арабскими странами, даже претендуя на некую лидерскую позицию в сообществе государств «революционных демократий», «арабского социализма» и т.д. (это Алжир, Ливия, Египет, Сирия, Йемен), что предполагало и стратегическую ориентацию на СССР. В годы войны (1980–1988 гг.) значительно окрепли его связи с США и Западной Европой. После поражения в операции «Буря в пустыне» (1991 г.) у него уже не оказалось партнеров в регионе, а остались только глобальные игроки - Россия и Китай, да и те старались явно не нарушать введенные ООН против Багдада санкции. В этой связи формулировка диссертанта выглядит не вполне конкретной.

Следует отметить как не вполне корректную и первую фразу в разделе **Заключение** – «*Обозначенная во Введении цель исследования была достигнута*». По сути она справедлива (цель действительно достигнута), но лучше, когда такую оценку работе дают рецензенты, оппоненты или члены Диссертационного совета, а не сам автор. К замечаниям можно отнести и не всегда оправданные почти дословные повторы отдельных тезисов в

различных контекстах и разделах. Их лучше излагать, на наш взгляд, как уже знакомые читателю из предыдущего текста, поскольку временами возникает ощущение, что речь идет о чем-то новом. Необычным и, на наш взгляд, излишним также представляется дословное изложение/дублирование выводов во Введении и в заключительной части работы. Это позволило бы к тому же сократить явно завышенный по стандартам кандидатских диссертаций объем текста.

Вышеприведенные рекомендации и замечания в основном относятся к оформлению и носят во многом субъективный характер. Они несколько не умоляют актуальности, уникальности, востребованности и значимости данной работы.

В целом диссертационное исследование представляется завершенным. Предлагаемые соискателем выводы соответствуют результатам анализа обширного материала каждой из глав. Тема и содержание диссертации соответствуют паспорту специальности 5.6.7. - «История международных отношений и внешней политики». Автореферат выполнен в рамках соответствующих требований. В нем изложены основные результаты, выносимые на защиту, дано исчерпывающее представление о научной и практической значимости проделанной работы.

Диссертация Крылова Германа Леонидовича на тему «Проблемы выработки внешнеполитических решений в Ираке в 2003-2022 гг.» отвечает требованиям п.9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением №842 Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор Крылов Герман Леонидович заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.7. - «История международных отношений и внешней политики».

Официальный оппонент

Главный научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института Европы РАН, доктор политических наук (специальность 23.00.04)

ШУМИЛИН Александр Иванович

«20» ноября 2024 г.

ФГБУН Институт Европы РАН
+7(495) 692-21-02
europe-ins@mail.ru

Личную подпись сотрудника ИЕ РАН
Шумилин А.И. удостоверяю
Начальник отдела кадров ИЕ

